

ВОЙНА ДИСКУРСОВ НА ГРАНИЦЕ ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО

Александр Сарна

Белорусский государственный университет

ORCID: 0000-0001-5701-7573

Резюме. *В статье анализируются коммуникативные практики горожан, осуществляемые в общественном пространстве Минска и маркирующие территорию посредством специальных табличек, а также выражающие особое отношение к адресату в надписях на асфальте. Используемые в данных ситуациях речевые клише и шаблоны зачастую подвергаются ироническому переосмыслению и дискурсивным трансформациям, что позволяет творчески переработать социальные функции придомовой территории, двора и улицы, превращая их из общественных пространств в публичные. При этом языковые игры реализуются как «война миров», столкновение интересов различных индивидов и групп, дискурсивные практики которых постоянно конфликтуют между собой.*

Для изучения этого явления автором используются методы социолингвистики и семиологии как уже состоявшихся традиций исследования городских текстов, указывающих на внутренние разногласия и скрытые конфликты в сфере коммуникации между различными социальными группами. Данный процесс разворачивается как

«война языков» (Р. Барт) или «конфликт интерпретаций» (П. Рикер), который может не проявляться в сфере непосредственного социального взаимодействия. Скорее, знаково-символические средства коммуникации помогают решать проблемы распределения ресурсов и возможностей посредством столкновения различных речевых формул и клише, не доводя его до реального противостояния. Изображения и вербальные тексты насыщают разными смыслами общественные пространства и превращают их в публичные, однако их адресация разворачивается в противоположных направлениях – из приватной сферы общественной жизни письмо или текст отправляется в публичную, где сталкивается со встречным движением со стороны групповых интересов, что и приводит к разногласиям и разделению дискурсов. Такая ситуация не должна восприниматься и оцениваться как экстраординарная, ведь это и есть обычное состояние городской среды в режиме повседневной жизни с ее постоянными интерпретациями и спорами между социальными субъектами.

Ключевые слова: *дискурсивные практики; общественные, приватные и публичные пространства; городской активизм.*

1. Дискурсивные практики и социальные границы

В современной урбанистике и социологии города важная роль отводится изучению публичных городских пространств, которые противопоставляются не только частным/приватным владениям (недвижимость как форма частной собственности в виде квартир, домов и придомовых участков), но и общественным пространствам, предназначенным для выполнения основных социальных функций, – производственным предприятиям, коммунальному транспорту, жилым комплексам, дворовым территориям, зонам отдыха, образовательным и культурным учреждениям, службам услуг и т.д. Такие общественные пространства далеко не всегда предоставляют свободный доступ для всех социальных групп, возможность общественного управления и гражданской активности, обсуждения и решения актуальных общественных проблем, самореализации и высказывания своей позиции при взаимодействии с другими горожанами и представителями власти. Между тем именно эти критерии на сегодняшний день считаются наиболее важными для развития публичности в жизни городских сообществ (Ярская-Смирнова, Романова, 2013). Так, Ш. Зукин формулирует такие черты и характерные особенности публичной сферы, как наличие общественного управления, свободный доступ для всех, устремленность большинства людей к общественным, а не частным целям (Зукин, 2015). Российский исследователь О. Паченков отмечает, что эта версия понимания публичного пространства «имплицитно подразумевает

еще два момента: принципиальное определение публичного через противопоставление приватному на уровне интересов, владения, управления пространством; важность наличия в публичном пространстве возможности для коммуникации и самой коммуникации» (Паченков, 2015, с. 59).

Тем самым городское сообщество базируется на компромиссе, предполагающем в своей основе постоянное выявление и разрешение внутренних противоречий между его членами – и может развиваться, лишь преодолевая их. Здесь вряд ли становится возможна тотальная война всех против всех, где каждый сам за себя, а «человек человеку волк», когда атомизированные, разобщенные индивиды борются за выживание, преследуя свои меркантильные цели. Но, безусловно, в пространстве города есть место для солидарности и даже самопожертвования во имя благородной цели – вот только предназначены они не для всех и ограничены рамками ближнего круга единомышленников (сообщества или семьи). С некоторой степенью преувеличения можно отметить, что сообщество – это и есть ячейка современного социума, а не отдельно взятый индивид или институт. Такого рода социальные субъекты вступают в конфронтацию друг с другом, поскольку объединяют в себе отдельных индивидов и группы с разными интересами, позициями и действиями, реализуемыми совместно или дискретно.

Их взгляды, мнения и высказывания оформляются как дискурсивные практики в различных коммуникативных ситуациях с помощью тех или иных языковых средств. Каждый субъект в той или иной

степени поддерживает интерсубъективные нормы и правила в рамках локальной дискурсивной практики, которую можно представить как некоторую «языковую игру» (Л. Витгенштейн), выступающую в качестве основания для построения своего «жизненного мира» (А. Шюц). Этот образ реальности, или картина мира, объясняет и оправдывает не только мотивы и действия участников сообщества, но и само их существование как сплоченной группы. Между различными играми и мирами лежит пропасть – настолько они могут отличаться друг от друга. И если общество не находит возможности объединить их общей идеей (над)национального единства или общегражданской солидарности, то они никогда не смогут найти общий язык и возможности взаимопонимания. В таком случае языковые игры реализуются как «война миров», столкновение городских «племен» и субкультур, которые в своих дискурсивных практиках конфликтуют между собой в борьбе за власть и влияние, ниши и ресурсы, интегрируясь и разобщаясь на разных полях социального пространства.

Особенно важно это для публичной сферы города, которая предстает как разнородная целостность, «плотная», насыщенная система взаимосвязей, пронизывающих все аспекты пространственно-временной организации и жизненного цикла как отдельного человека, так и различных сообществ. Сообщества образуют гетерогенные множества, которые складываются спонтанно и ситуативно в различных конфигурациях как глобальная сетевая мегаструктура (У. Митчелл). Они принципиально отличны от масс, поскольку не замкнуты в себе и

стремятся выйти за пределы собственной автономии в поисках Другого в рамках городской среды – как реальной, так и виртуальной.

В обычной повседневной ситуации это разнообразные и достаточно разобщенные сообщества, занятые внутренними конфликтами и отстаиванием собственных персональных интересов их участников. Например, если собственник жилья в многоквартирном доме начинает перестраивать его, не считаясь с условиями совместного проживания с соседями, другие жильцы могут повлиять на него, в том числе апеллируя к власти как посреднику и «блюстителю» социального порядка. В случае изменения ситуации, когда власть пытается преследовать собственные интересы и «наезжать» на собственников (владельцев жилья, личных хозяйств и приусадебных участков), то происходит мобилизация сообществ. Они объединяются под влиянием внешней угрозы и начинают совместно отстаивать свои права – как это происходит в Минске при попытках сноса части поселка «Северный», застройки сквера Котовка и др.

Во многом активность и сама возможность существования таких сообществ связана с трансформациями и сегментацией пространства города. Оно предстает как единая ландшафтная среда, в которой можно выделить несколько ключевых или универсальных компонентов, по К. Линчу, связанных с проживанием, перемещением и деятельностью горожан (Линч, 1982). Но также важны и разрывы пространственной непрерывности посредством границ, в качестве которых могут выступать края жилых кварталов или промышленных и зеленых зон, берега водоемов, стены, ограждения и даже бордюры тротуаров. Именно

границы позволяют провести более или менее четкое различие между личным (приватным), общественным и публичным в городской среде. Они выступают точечными компонентами городского пространства, которые служат ориентирами для внутренних и внешних наблюдателей (горожан и приезжих) и позволяют осуществить функциональное зонирование города.

При этом физические границы используются как обозначение пространственной локализации территории в виде конкретных мест в городской среде, контролируемых их владельцами в претензии на обладание некоторыми полномочиями и ресурсами. Максим Трудолюбов указывает на важность установления границ застройки и освоения территории в разных культурах: «Для американского фермера забор – это прежде всего разграничение, которое позволяет избежать спора о границах собственности и тем самым сохранять добрососедские отношения («Сосед хорош, когда забор хорош»). Для нас это скорее защита. Ведь защищаться приходилось все время – и от навязываемого коллективизма, и просто от соседей. В обществе, где каждый жил в условиях страха вторжения со стороны государства и человека, забор – это символ стремления к покою и личному пространству» (Трудолюбов, 2015, с. 36-37).

На огражденной территории жилище предстает как «своеобразная система барьеров, которыми структурируются приватные участки пространства, оно представляет собой сложную систему разных «мест» и «зон» как внутри, так и вокруг пространства дома» (Склярова, Чернецкая, 2017, с. 718). При этом «по самой своей природе дом, в котором живет

одна семья, является выражением ее территориальных запросов. Принадлежность определяется самим актом размещения в пределах замкнутого участка пространства, отделенного от соседей и улицы участком земли. Иногда границы обозначаются символической оградой, а в некоторых культурах высокими заборами и воротами. При этом размещение внешнего освещения и окон также служит обозначением пространственных притязаний семьи» (Склярова, Чернецкая, 2017, с. 719).

Для поддержания баланса между такими участками городской территории важная роль отводится и социальным границам – условным обозначениям неравенства между возможностями социальных акторов в их доступе и овладении различными ресурсами, благами и привилегиями. Социальные границы выступают как средство разделения локальных социальных позиций и слоев, страт и сегментов, занимаемых как отдельными индивидами, так и целыми группами. Иногда границы между ними становятся совершенно условны или прозрачны для внешнего наблюдателя, либо могут не совпадать с существующими физическими барьерами и преградами – заборами, стенами, оградами, дверями, воротами и пр. В таких случаях возникают спорные, конфликтные ситуации при распределении полномочий и прав владения применительно к различным участкам городской территории: что считать личным, принадлежащим только мне, а что – общественным, на которое не может быть никаких персональных притязаний? Имеются случаи, когда городские власти в Минске перекраивали участки частных построек и без согласия владельцев устанавливали новые границы территориального разделения (Жуковский, 2017). В других ситуациях горожане сами

проявляли инициативу и осваивали сопредельные территории, застраивая крышу подъезда или дома, лестничные площадки или прилегающий участок тротуара (Зуева, 2017).

2. Таблички как маркеры территории

Для предупреждения конфликтов и споров в градостроительной практике и при обустройстве территории активно применяются территориальные маркеры – дискурсивные метки и символические обозначения, указывающие на наличие границы, подчеркивающие статус охраняемой территории и невозможность или недопустимость проникновения на нее. В большинстве случаев для этого используются всевозможные таблички с обращениями и предупреждениями: «Стой!», «Вход запрещен», «Территория охраняется собаками», «Предъявите пропуск», «Ведется наблюдение видеочкамерами» и т.д. Особый интерес вызывают дискурсивные маркеры, которые не укладываются в указанные шаблоны и представляют собой результат креативной переработки стандартных речевых формул. Как правило, это таблички, которые вывешиваются владельцами личных коттеджей и усадебных участков – частной территории, принадлежащей зажиточным горожанам на правах их личной собственности. На возможности различных вариаций и обыгрывание стандартных формулировок при обращении владельцев участков к посторонним обратил внимание Р. Барт в своей известной работе «Война языков» (Барт, 1989). Для нас наиболее важен именно этот текст, поскольку он показал возможность выявления и изучения скрытого напряжения, проявляющегося как противоречие между частной и

публичной стороны общественной жизни, когда дискурсивные практики выдают гетерогенность, неоднородность и неоднозначность в сообщениях, которые горожане адресуют друг другу.

Р. Барт выделил три элементарных формы обращения/предупреждения, которые указывают на наличие сторожевых собак, охраняющих участок: «Злая собака», «Осторожно, собака!», «Сторожевая собака». Все они выражают один и тот же посыл для посторонних – «Не входите» (если не хотите быть укушенными). При этом французский исследователь указывает на важность не сходства, но различия в данных сообщениях – «Злая собака» звучит агрессивно, «Осторожно, собака!» – человеколюбиво, «Сторожевая собака» – как простая констатация факта. Тем самым дискурсивный маркер территории посредством одной и той же языковой системы создает возможность трех различных видов символической репрезентации личной власти. С помощью стилизованной таблички «хозяин каждой усадьбы воздвигает себе надежное укрытие в виде определенного образа... системы собственности. В первом случае эта система основана на дикой силе (собака злая, и хозяин, разумеется, тоже), во втором – на протекционизме (остерегайтесь собаки, усадьба находится под защитой), в третьем – на законности (собака сторожит частное владение, таково мое законное право). Итак, на уровне простейшего сообщения (Не входите) язык (дискурс) взрывается, дробится, расходится разными путями – происходит разделение языков» (Барт, 1989, с. 535).

В современной ситуации подобное разделение на три возможных модуса с соответствующими тональностями (негативной, позитивной и

нейтральной) в отношении к Другому сохраняется, однако приобретает более замысловатый оттенок, особенно когда стандартные формулировки подаются в игровом ключе и переосмысливаются посредством иронии. Тогда прямой посыл в обращении начинает восприниматься совсем по-другому, поскольку изменяется не только смысл сообщения, но и его контекст. Исследование частного сектора как одного из сегментов территории Минска, проведенное в период с февраля по октябрь 2017 года, показало возможности достаточно большого числа вариантов в создании таких табличек. Их прямая функция территориального маркера в зависимости от фантазии хозяина участка/дома может осуществляться в самых разных формах, порой весьма экзотических. Так, исходная базовая номинация «Злая собака» может быть трансформирована в вариацию «Страшная собака» или в свою противоположность с корректирующим уточнением – «Добрая собака кусается». Откровенно провокативный дискурс возникает в случае расширенного варианта обращения – «Внимание! Собака добрая, но имеет слабые нервы». Весьма распространенным является вариант предупреждения как бы от лица самой собаки, а не ее хозяина: «Я добегу до забора за две секунды, а ты»?

Кроме того, был обнаружен случай персонализации с заменой анонимно-безличной и достаточно абстрактной угрозы от лица некой «злой собаки» на конкретное указание имени питомца – «Безопасность обеспечивает Джек» (ул. Багратиона, 59). Также на этой улице можно обнаружить табличку на немецком языке – видимо, сохранившуюся еще со времен войны: «Ich halte Wacht. Betreten auf eigene gefahr» («Я слежу.

Входите на свой страх и риск») (ул. Багратиона, 47а). На улице Мирной в доме 36 о собаках упоминается во множественном числе, однако в уменьшительно-ласкательной форме – «Осторожно, пёсики!». Образцом иронически-гиперболизированного, утрированного обращения к непрошеным гостям является табличка со следующим текстом: «Осторожно! Злая собака, злые хозяева, злые дети, все злые...» (ул. Столетова, 59).

Данные примеры показывают, что социальный конфликт в городской среде разворачивается прежде всего в общественном/информационном пространстве и предстает как «война языков» или дискурсивных практик между разными социальными группами. Именно на это и обращает внимание Р. Барт, изучая соотношение публичной и приватной сторон жизни жителей пригородов в указанной выше работе. В своем наблюдении и описании он объединяет их в класс буржуазии как единое дискурсивное сообщество, хотя и фиксирует различия в коммуникативных стратегиях и практиках самопрезентации в виде трех видов табличек как вариаций общего шаблона «Осторожно, злая собака!» (далее – ОЗС).

Барт оценивает их с позиции стороннего наблюдателя и в его языке описания группа владельцев усадеб предстает как некая общность (сообщество) – средний класс, который объединен компактностью проживания на локальном участке городской/загородной территории, обладает примерно равным социальным статусом, имущественным положением, финансовой независимостью. Данные характеристики позволяют объединить их носителей в одну группу, хотя в реальности они

могут даже не знать о существовании друг друга. Общность их позиций обеспечивает финансовый, социальный и культурный капитал, что и определяет выбор примерно одинаковых стратегий поведения и самовыражения, в том числе посредством языка в дискурсивных практиках. Так появляются воззвания к внешней среде и общественности для ограничения их влияния на личный жизненный мир, апелляция к нормам и законам о неприкосновенности частной собственности и недопустимости проникновения на приватную территорию. Эту позицию и выражают таблички, сделанные в едином дискурсивном формате по шаблону ОЗС.

Р. Барт применил в анализе подобных сообщений семиотический метод, опираясь на возможности социолингвистической парадигмы в социально-гуманитарных исследованиях, которая «использует семиотические категории «семантики», «синтактики» и «прагматики», рассматривая их как уровни возможного определения предмета анализа» (Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009, с. 44). Поэтому мы далее попытаемся сравнить и изучить различные тексты табличек как территориальных маркеров в городской среде через обращение к аналитическому инструментарию и концептам семиотики, которая осуществляет семантический, прагматический и синтаксический анализ текста на основе выделения в нем структурных, нарративных и риторических элементов.

В рамках данного подхода внимание акцентируется на специфике комбинированных («креолизованных») текстов – изовербов, которые объединяют в себе изобразительные и вербальные компоненты.

Наиболее полно эти элементы рассматриваются Р. Бартом в качестве сообщения без кода, которое не трансформирует объект означивания. В изовербах используются: 1) языковое сообщение (вербальный текст); 2) иконическое, «буквальное» сообщение без кода (денотат) и 3) символическое сообщение (коннотат). Использование семиотического метода анализа позволяет обратить внимание на новые аспекты знаково-символической репрезентации темы защиты частной собственности в табличках-маркерах городской территории. Так, многие из них представляют собой классический образец «изоверба» – комбинированного сообщения в рамках шаблона ОЗС, сочетающего вербальный текст с изображением (в данном случае – собаки).

ОЗС представляет собой преимущественно (в соответствии с образцом) вербальные сообщения, основой которых выступают знаковые средства естественного русского языка (за исключением упомянутого выше немецкоязычного экземпляра), однако нередко они дополняются изобразительными элементами. В представленных материалах для этого обычно используются возможности рисунка, которые не столько «объективно» и натуралистически точно представляют изображение собаки, сколько его базовые элементы – контуры головы или тела без указания подробных деталей. Условность изображения, с одной стороны, позволяет создать абстрактный и достаточно нейтральный образ животного, в котором легко угадываются видовые признаки собаки – и именно такое изображение позволяет производить таблички как продукт массового спроса, подходящий для размещения на любом ограждении в

любом сооружении, а также обозначения любой породы собак (хотя обычно рисуют овчарку как типичную сторожевую породу).

С другой стороны, акцент в изображении может быть сделан лишь на главном элементе образа как центральном посыле сообщения – тех признаках, которые позволяют идентифицировать животное не только в его видовой принадлежности, но и создать устрашающий образ сторожевой собаки как угрозы для непрошенных гостей, выделяя в рисунке «крупным планом» ее ключевые характеристики в качестве средства защиты от вторжения – морду с оскаленной пастью, крупные зубы как возможность укуса. На фотографиях, представленных для идентификации и даже персонализации собаки («Джек») также акцент делается на морде животного, которая выглядит либо нейтрально-спокойно, либо угрожающе – с оскалом и рычанием-лаем.

В отличие от фотографии, в рисунке подчеркивается субъективность, произвольность изображения, что позволяет отказаться от шаблонов, изображая общие контуры тела вместо деталей и даже прибегнуть к некоторой карикатурности в виде шаржа, когда в контурах морды собаки могут угадываться человеческие черты, что позволяет отождествить собаку с ее хозяином. Тогда осуществляется метонимический перенос смысла с объекта изображения на контекст сообщения – прием, часто используемый в рекламе и обеспечивающий смещение с буквального, денотативного прочтения таблички на подразумеваемый коннотативный смысл («собака злая – значит, хозяин тоже»).

Однако гротескное и в чем-то даже карикатурное («очеловеченное») изображение пса открывает ироничный подтекст сообщения, говорит об отсутствии возможной угрозы – собаки за оградой вообще может не быть, а табличка не предупреждает о наличии реального животного, но лишь создает возможный образ-симулякр, который номинативно отпугивает нежелательных посетителей. Создание видимости защиты возникает так же, как и в случае, когда хозяин дома уходит и оставляет невыключенным свет, чтобы имитировать свое присутствие в доме и отпугнуть воров. Животного нет, но есть его вымышленный образ – и чем больше он детализирован, тем реалистичней может показаться и оказать нужный эффект. Для этих целей лучше подходит фотография, которая выступает прекрасным средством визуализации угрозы изнутри и предотвращения возможного проникновения извне.

А вот оригинальность надписи, напротив, смягчает этот эффект устрашения, указывая на нестандартность, нетривиальность сообщения, заставляя посетителя-реципиента вчитываться, вникать в суть текста, отыскивать его дополнительные смыслы и варьировать их в попытке угадать истинные намерения хозяина – напугать, проинформировать или развлечь? В таком случае коннотативные аспекты вытесняют или, по крайней мере, уменьшают негативный посыл денотации, а индивидуальная, субъективная комбинаторика возможных смыслов в рамках синтагмы противоречит строгой устойчивости исходной установки-парадигмы («собака должна быть кусачей»). Данное противоречие обостряется за счет использования уменьшительно-

ласкательных суффиксов, когда возникает смысловой парадокс – суровый сторожевой пес предстает как «собачка» или «песик». В этом случае трепетное отношение хозяина к собаке проецируются вовне, за пределы его жизненного мира и приусадебного участка, выдавая семейные секреты и вовлекая незнакомцев с улицы в «ближний круг». Соответственно, по конструируемому образу животного в сообщении ОЗС можно выявить не только социальный статус хозяина, но и его отношение к окружающим, готовность выстраивать взаимосвязи с ними, видя в каждом посетителе желанного гостя или коварного врага, подчеркивая его настрой в принятии других и отвечая на вопрос – кого именно он ожидает встретить на пороге своего дома?

Таким образом, в рассмотренных случаях границы между общественными и частными территориями становятся не просто разделительной чертой, устанавливающей пространственные и социальные барьеры, но и коммуникативной возможностью для самовыражения владельцев усадебных участков, иронического обыгрывания ими традиционных речевых формул и клише в рамках официально установленных и легитимно закрепленных дискурсивных практик. Выступая как средство самопрезентации личностных особенностей и социального статуса владельца собственности/недвижимости, преграда для общения (ограда или ворота) за счет используемых языковых средств начинает функционировать как информационный носитель, парадоксально задающий возможность публичности и частной автономии в отношении к общественному разделению полномочий, гражданских прав и свобод в городской среде.

3. «Открытки» на асфальте

Для понимания специфики дискурсивных практик на границе частного и публичного в пространстве города следует обратить внимание и на такие, казалось бы, незначимые и в чем-то сакраментально-наивные тексты, как оставленные краской или мелом на асфальте дворов и улиц надписи. Тексты данных сообщений предъявляются всем публично и в своей нарочитой демонстративности выступают своеобразным аналогом «открытых писем», рассылаемых на почтовых карточках (Орлов, 1969). Кроме того, подобно открыткам, письма на асфальте выполняются по определенному шаблону – речевому клише, формула которого определена границами жанра и варьируется от поздравления до проклятия (в основном встречаются признания «Я тебя люблю» или поздравления «С днем рождения!», далее – ЯТЛ и СДР). В Минске их появляется все больше и даже происходит своеобразная смена поколений, когда рядом со старыми надписями возникают новые, что и удалось зафиксировать в период с июня по сентябрь 2017 года: сфотографировано 28 надписей (ЯТЛ – 13 надписей, СДР – 11, других – 4) в таких жилых районах, как Каменная Горка, Масюковщина, Домбровка, Сухарево, Зеленый Луг и Малиновка, причем нужно отметить неравномерность распределения данных сообщений по территории города – в Каменной Горке и Домбровке обнаружено 16 «открыток», т.е. большая часть из всей совокупности.

Исследование еще не закончено и сбор данных продолжается, хотя некоторый материал уже есть, позволяющий сделать предварительные

выводы. В основном тексты сообщений ЯТЛ и СДР появляются в новых жилых микрорайонах, что связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, это густозаселенные территории, где количество жителей достаточно велико, причем большая часть из них живет в высотных многоквартирных домах, поэтому вероятность появления рядом с ними подобных надписей гораздо выше. Во-вторых, кроме отдельно выделенных участков под скверы и парки, такие районы засажены молодой растительностью (деревьями и кустарниками), главным образом – вдоль дорог, тротуаров и возле жилых домов, а также во дворах. Здесь растения еще не разрослись, поэтому не могут скрыть надписи на поверхности земли от взгляда сверху – с верхних этажей жилых домов, за счет чего открывается визуальная перспектива хорошего обзора и возможность появления сообщения, которое точно будет увидено и оценено адресатом.

Это главный фактор, который определяет формат письма – размер букв в надписи, яркость использованной краски или жирность линий, начерченных мелом, чтобы привлечь внимание – без всего этого текст просто не будет замечен и распознан, а значит, и цель акции не достигнута. Так, в микрорайоне Домбровка на улице В. Голубка обращение «Я тебя люблю» написано примерно в ста метрах от дома номер 10 – на ближайшей остановке общественного транспорта. Соответственно, чтобы надпись могла быть распознана и прочитана, потребовалось написать краской буквы большого размера – около метра величиной. Их наличие на остановке привлекает внимание уже не только адресата и жильцов дома, но и всех, кто пользуется услугами

автотранспорта и приходит на данную остановку, а взглянув себе под ноги, внезапно обнаруживает на асфальте признание в любви.

Также есть и третье обстоятельство, способствующее появлению надписей, – преобладание молодежи именно в новых жилых районах и именно в тот период, когда растительность еще не перекрыла обзор и остается возможность самовыражения через признание в любви или просьбу о примирении. Фактически такой шанс выпадает лишь первому и второму поколению жителей района, поскольку все последующие уже столкнутся с существенными затруднениями – плотность населения будет возрастать, что лишает шанса нанесения надписи в дневное время (остается только ночное), а также вырастут деревья с пышной листвой, которые начнут закрывать обзор и перекрывать видимость. Эти условия лишают возможности написать послание во дворе, поскольку именно здесь обычно пространство достаточно ограничено, а плотность посадки зеленых насаждений максимально высока. Тем самым остается лишь две возможности – оставить сообщение на улице, с внешней стороны фасада здания либо непосредственно перед подъездом, на площадке перед входной дверью или у ступеней, к ней ведущих. И в том и в другом случае риск быть застигнутым врасплох на месте «преступления» резко возрастает – на улице в дневное и даже в ночное время может проехать автомобиль, в том числе – патрульная машина автоинспекции, а из подъезда всегда могут выйти жильцы – как днем, так и ночью. Кроме того, ракурс восприятия такого сообщения существенно расширяется – ведь его теперь будут видеть все жильцы дома каждый раз, когда они выходят из подъезда или смотрят в окно.

В таком случае адресация послания становится чрезвычайно важна и обращение должно включать в себя имя адресата, а также отправителя (автора сообщения), поскольку есть риск совпадения часто встречающихся имен у жильцов в данном доме и подъезде, которые могут подумать, что обращаются именно к ним. Фактор анонимности послания отступает на второй план и возрастает риск опознания адресата не только им самим и его семьей, но и другими жильцами – соседями и всеми, кто догадается, кому адресовано поздравление или признание в любви. А это уже может привести к дискредитации адресата и угрозе последующего конфликта с автором сообщения. Впрочем, такой риск остается в любом случае – ведь если последний хочет сделать адресату приятный сюрприз, то его действия должны быть неожиданными и совершаться без предупреждения. Соответственно, нет никакой гарантии, что девушка или юноша, прочитавшие обращение к ним лично, останутся довольны тем фактом, что теперь все жильцы дома смогут читать это сообщение, понимая, о ком идет речь.

Возможно, именно поэтому большинство текстов являются анонимными. «Открытки» наносятся без подписи, оставляя возможность некоторой неопределенности, сохраняя интригу и призыв к адресату разгадать эту загадку («Угадай – кто автор?») или опасаясь возможного преследования для возмещения ущерба и устранения надписи. Однако есть и те, кто, напротив, стремится избежать двусмысленности и подписывает свое обращение, ведь это добавляет к нему радость узнавания и исключает саму возможность альтернативы – вдруг девушка, расчувствовавшись от такого подарка, выразит благодарность кому-то

другому, приписав ему авторство по ошибке. Возможно, у автора сообщения могут быть конкуренты, и анонимное послание даст им неожиданные козыри в борьбе за благосклонность адресата. Имеется интересный случай в Минске, когда во дворе дома 85 по проспекту Пушкина в надписи «С днем рождения, Катя!» подписались сразу два автора, нарисовавших три сердечка и уточнивших, что все это – «от Вовы и Леши». Видимо, друзья не считают друг друга конкурентами и решили объединить усилия в выражении своей симпатии к девушке, что помогло им проще осуществить задуманное (один мог делать надпись, пока второй следил, чтобы никто не помешал).

Абстрагируясь от конкретики представленного материала, зададимся общим методологическим вопросом: что представляют собой данные тексты и как можно анализировать их? Некоторые исследователи включают данные типы открытого письма в те или иные классификации граффити (Бажкова, Лурье, Шумов, 2003), но здесь есть несколько отличий, и самое главное из них проявляется уже при выборе объекта-площадки для нанесения надписи. Так, художники-райтеры в абсолютном большинстве случаев предпочитают рисовать на вертикальных поверхностях – стенах зданий, заборах, рекламных щитах, вагонах метро и т.п. Это позволяет им добиться лучшего эффекта – вертикальный рисунок и текст видны издали, в отличие от изображения и надписи на горизонтальной поверхности, которые можно разглядеть только сверху или с минимального расстояния, подойдя к ним как можно ближе. Тем самым вертикальная поверхность в качестве публичной площадки расширяет диапазон видимости и задает саму возможность публичности,

выступая как «горизонт видимого», где дистанция обзора достигает ста и более метров, особенно при использовании специальных оптических приборов.

На сегодняшний день проведено уже достаточно много этнографических, антропологических и фольклорных исследований городских надписей (например, Bushnell, 1990; Chalfant, 1995, Dundes, 1966; Reich, Buss, Fein, Kurtz, 1977; Shumov, 1996; Stocker, Dutcher, Hargrove, Cook, 1972; Бажкова, Лурье, Шумов, 2003). Однако они, как правило, заостряют внимание на важности граффити и стрит-арта как инструментов визуальной репрезентации сообщества или субкультуры, когда персональные, субъективные мотивы автора письма считаются важными лишь в той мере, в какой они способны выразить интересы группы, ее коллективного сознания и разделяемых ею ценностей (Бажкова, Лурье, Шумов, 2003). Райтер всегда заявляет о себе через персональную подпись-тег и не ищет какого-то конкретного адресата, а ЯТЛ и СДР важны именно как персональные обращения – это индивидуально окрашенная визуализация истории межличностных отношений и двусторонней коммуникации, хотя для стороннего взгляда случайного прохожего все не так очевидно. В этом смысле «открытка» – это не граффити и не стрит-арт, поскольку она не стимулирует появления и активной реакции какого-либо сообщества: акт письма воспринимается как сугубо личное дело, а не призыв к общественности. Авторы таких текстов реализуют свои намерения, основываясь на базовых правилах и возможностях видимости в современной городской среде «с позиции «обычного человека», горожанина, заявляющего свое право на

трансформацию городской образности» (Самутина, 2014, с. 320) и не стремящегося к эстетизации своего самовыражения, так что его творчество не относится к художественным практикам современных арт-активистов. Ведь «сплоченные граффити-сообщества адресуют свои изощренные послания на зашифрованном языке, который надо уметь читать, в первую очередь «посвященным», и во вторую – «системе», т.е. репрессивному социальному порядку» (Самутина, 2014, с. 323). Нельзя соотнести эти послания и со стрит-артом, который «обладает очень большим потенциалом открытости любому взгляду: как культурная практика в целом и как набор конкретных приемов, форм и фактур, он работает с потенциальными непроявленными сообществами» (Самутина, 2014, с. 322–323).

Еще одним аргументом, не позволяющим отнести данную категорию текстов к сфере альтернативного искусства, является тот факт, что нет никаких свидетельств борьбы против нанесения подобных надписей либо следов их устранения – замазывания, стирания или нанесения краски поверх надписи. Обычно работники ЖЭСов весьма болезненно реагируют на появление несанкционированных надписей на вверенной им территории, а результаты их попыток устранить надписи со стен домов стали отдельной историей, иронично интерпретируемой как новая форма авангардной живописи – «фупрематизм» или ЖЭС-арт (Бубич, 2015). Нами же не было зафиксировано ни одной попытки устранить надписи с асфальта, что наводит на мысль о присущей работникам жилищно-коммунальных служб склонности отождествлять тексты «открыток» с детскими рисунками на асфальте, к которым бессмысленно применять

какие-либо санкции, поскольку такое творчество просто находится вне всякой критики.

«Детскость» и наивность написанных на асфальте текстов проявляется и в том, что, несмотря на всю искренность выражаемых чувств и сугубо «индивидуальный подход» при выборе целей и средств для своего творения, авторы признаний-поздравлений в подавляющем большинстве случаев никак не пытаются преодолеть речевые клише и остаются в рамках традиционных и даже в каком-то смысле архаических формул ЯТЛ и СДР. Такие штампы, казалось бы, на корню убивают любую индивидуальность и никак не совместимы с претензией на оригинальность, но даже попытка преодоления одного шаблона может привести к использованию другого. Так, по адресу ул. Мазурова, около дома 18, была зафиксирована надпись «Улыбнись! И+Н=♥», где автор вышел за рамки речевых шаблонов ЯТЛ и СДР, сформулировал свое обращение к адресату как просьбу об улыбке, однако тут же выстроил свое представление о взаимной любви в виде стереотипной формулы сложения.

Однако, похоже, авторов писем-открыток такая ситуация ни в коей мере не смущает: их задача – не оригинальность самовыражения, а поиск адресата и передача ему/ей сигнала о своих чувствах, причем важен сам канал трансляции (улица и двор), а не ее форма. Акт письма в данном случае выступает как индикатор границы между видимым и невидимым – маркер публичной, открытой для всех фиксации визуального текста, адресат которого остается скрыт в зоне приватности. Соотношение приватной и публичной сфер в таком случае можно представить как

противопоставление невидимого/периферийного/случайного – видимому/значимому и центральному в пространстве городской культуры. И тогда надпись, созданная как поздравительная открытка, выступает как публичное обращение к частному, единичному индивиду – субъекту приватности, спрятанному, замаскированному, сокрытому в глубине личного жилья, в коконе персонально ограниченного пространства. Практически всегда и везде адресат – это один из жильцов в многоквартирных домах повышенной этажности. Единственным исключением по Минску стала надпись «Алина, с днем рождения» возле одноэтажного жилого дома в частном секторе – районе усадебной застройки по улице Ольшевского, да и она была написана мелом и исчезла уже через месяц.

Цель данных обращений – обратить на себя внимание адресата как отдельного изолированного субъекта, помещенного в особые условия проживания, не позволяющие осуществить межличностную коммуникацию в устной форме, но письменно и дистанционно на расстоянии, доступном для визуальной идентификации и чтения текста – из окна, с балкона, при выходе из подъезда и пр. В идеале требуется выманить адресата из дома и квартиры наружу, из персонально-приватного – в общественно-публичное пространство города, что превращает обращение в настойчивое требование «Выходи» (как в случае явно детской надписи мелом на асфальте во дворе жилого дома в Минске по адресу ул. Радужная, 7). Поэтому векторно высказывания ОЗС и ЯТЛ направлены в противоположные стороны: извне, снаружи – внутрь, из внешнего общественного пространства улицы или двора – во

внутреннее изолированное и замкнутое приватное пространство квартиры, подъезда или дома. И поскольку они ставят под сомнение сам формат межличностной коммуникации, формально следуя ему, но помещая тексты в общественное пространство и делая их всеобщим достоянием, то и реакцию в обществе и у самого адресата они могут вызвать неоднозначную, провоцируя самые разные эмоции – от восхищения и снисходительного одобрения до возмущенного отрицания (здесь мы опираемся на мнения, высказанные жильцами при фотографировании во дворах автором статьи надписей, послуживших эмпирическим материалом для данного исследования).

В любом случае, неоднозначность данной ситуации подчеркивает сам факт принципиальной незавершенности коммуникации, невозможность адекватного реагирования на полученный призыв, поскольку он односторонне направлен от адресанта к адресату и не предполагает ответа от последнего в том же формате. В самом деле, практически невозможно допустить даже вероятность ответной реакции адресата, который бы совершил аналогичные действия и фактически продолжил бы акцию автора послания, отвечая ему в том же духе – надписью на асфальте. Не исключая самой возможности такого рода переписки, мы, тем не менее, отмечаем отсутствие подобных прецедентных случаев – ни одного текста ответной надписи не было зафиксировано, что исключает общение в форме диалога типа «Я люблю тебя! – И я тебя» или «С днем рождения! – Спасибо большое, я рада». Тем не менее, призыв направлен извне вовнутрь, но вовсе не в никуда и предполагает ответную реакцию адресата в ином варианте: тот, кому

предназначено сообщение, сможет отреагировать и выразить свои эмоции по-другому, необязательно в письменной форме – позвонить, ответить лично, договориться о встрече и т.п. При этом автор сообщения явно рассчитывает на восторг и благодарность адресата, хотя возможна и любая другая реакция-эмоция, равно как и ее отсутствие, игнорирование и безразличие. Тем самым присутствует определенная вероятность, что реализовался один из следующих сценариев:

- тайный поклонник или фанатка решили признаться в своей симпатии к адресату, но поздравление или признание не было замечено и не оценено по достоинству, т.е. коммуникация не состоялась;

- автор привлек внимание адресата, но не раскрыл себя – состоялся отдельный акт речи, не имевший продолжения и оставивший больше вопросов, чем ответов;

- автор текста подтверждает свои чувства данной акцией, хотя они и так известны, что позволяет надеяться на продолжение и развитие отношений;

- акт письма поставил адресата в неловкое положение, вызвал конфликт (например, ссору с родителями, увидевшими надпись и потребовавшими прекратить общение с ее автором) и прекращение коммуникации.

Таким образом, рассмотренные выше коммуникативные практики жителей Минска можно представить как перманентный, хотя и далеко не очевидный социальный конфликт, разворачивающийся в городской среде в виде столкновения различных речевых формул и клише, как правило –

ОЗС, ЯТЛ и СДР. Однако «война дискурсов» или «конфликт интерпретаций» (П. Рикер) не происходит напрямую как следствие противоречивости или непримиримости представленных стратегий и позиций, но лишь по причине противоположно направленных векторов их разворачивания: из приватной, частной, незаметной сферы письмо или текст адресуется в публичную, видимую, общезначимую (как в случае с табличками ОЗС) и наоборот – в соответствии с персонально представленной визуальной историей признаний, симпатии и любви («открытки» ЯТЛ и СДР). Данные стратегии можно расценивать как приглашение к диалогу, поиск собеседника и обращение к нему, даже если он остается невидим, скрыт от глаз наблюдателей (ЯТЛ и СДР) или еще не определился с возможным форматом участия в общении – дружеском или конфликтном (ОЗС). Хотя и в том, и в другом случае анализ дискурсивных практик помогает нам выявить реальное многообразие возможностей горожан в их причастности к *vita activa*, когда они совместными усилиями творчески преобразуют «пустые» и «серые» общественно-функциональные зоны Минска в насыщенные смыслами, контактами и конфликтами публичные пространства.

Библиография

Barthes, R. (1989) *Voina yazykov*. [La guerre des langues, The War of Languages]. In: *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress, pp. 535–540.

- Bazhkova, E., Lur'e, M., Shumov, K. (2003) *Gorodskie graffiti*. [Urban graffiti]. In: *Modern urban folklore*. Moscow: Rossiiskii gos. gum. un-t, pp. 430–449.
- Bubich, O. (2015) *ZhES-art protiv pamiati*. «Prostranstvennyye interventsii» po-belarusski. [ZhES-art against memory. «Spatial interventions» in Belarusian]. [online] *Beljournal*. [The Belarusian magazine] Available from: <http://journalby.com/news/zhes-art-protiv-pamyati-prostranstvennyye-intervencii-po-belarusski-387>. [Accessed 20 June 2018].
- Bushnell, J. (1990) *Moscow Graffiti: Language and Subculture*. Boston, MA: Unwin Hyman, 192 p.
- Chalfant, H., Cooper, M. (1995) *Subway Art*. New-York: Holt, Rinehart & Winston, 247 p.
- Dundes, A. (1966) *Here I Sit: A Study of American Latrinalia*. In: Kroeber Anthropological Society Papers, Vol. 34, pp. 91-105.
- Glava raiona A. Zhukovskii o snose dlya «Minsk-Mira»: Zabory na Vil'iamsa liudiam ne prinadlezhat. (2017) [Head of the district A. Zhukovsky on demolition for «Minsk-Mir»: Fences on Williams str. do not belong to people]. [online] *TUT.BY*. Available from: <https://realty.tut.by/news/offtop-realty/567591.html>. [Accessed 20 June 2018].
- Linch, K. 1982 (1960) *Image of the city*. Moscow: Stroizdat, 328 p.
- Orlov, V. (1969) *Otkrytye pis'ma*. [Open letters]. In: *Philately of the USSR*, № 5, pp. 18-19.

- Pachenkov, O. (2012) *Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i zloupotreblenie publichnost'iu*. [Public space of the city in the face of modern challenges: mobility and abuse of publicity]. In: *Nezavisimyi filologicheskii zhurnal*, №. 17, pp. 50-61.
- Publichnaia sfera: teoriia, metodologiia, keis stadi*. (2013) [Public sphere: theory, methodology, case study]. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P., red. Moscow: OOO «Variant»: TsSPGI, 360 p.
- Reich, W., Buss, R., Fein, E., Kurtz, T. (1977) *Notes of Women's Graffiti*. In: *Journal of American Folklore*, Vol. 90, pp. 188-191.
- Samutina, N. (2014) *Pruzhinki Gamburga: graffiti-raiter Oz i nevidimoe soobshchestvo vidiashchikh*. [The springs of Hamburg: graffiti-raiter Oz and the invisible community of those who see]. In: O. Brednikova and O. Zaporozhets, red. *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh*. [Microurbanism. City in Detail]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 316–345.
- Shumov, K. (1996) *Dialog as the Main Form of Students Graffiti Creation*. In: *Contemporary Folklore: Changing World View and Tradition*. Tartu: Institute of Estonian Language and Estonian Museum of Literature, pp. 347-365.
- Skliarova, T., Chernetskaia, A. (2017) *Privatnost' v gorodskom prostranstve: pridomovaia territoriiia v predstavleniakh gorozhan*. [Privacy in the urban space: the local area in the views of citizens]. In: *Rossiiia i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoi dinamiki*. [Russia and the World: Global Challenges and Strategies of Socio-Cultural Dynamics].

Materials of the International Scientific Conference. Moscow: FNISTS RAN, pp. 717–721.

Stocker, T.L., Dutcher, L.W., Hargrove, S.M., Cook, E.A. (1972) *Social Analysis of Graffiti*. In: *Journal of American Folklore*, Vol. 85, pp. 256-366.

Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R., Vetter, E. 2009 (2000). *Methods of text and discourse analysis*. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 356 p.

Trudoliubov, M. (2015) *Liudi za zaborom: chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii*. [People behind the fence: private space, power and property in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 246 p.

Zueva, E. (2017) Dom na kryshe mnogoetazhki, lodzhiia na kozyr'ke pod"ezda: kak minchane obshchestvennoe delaiut svoim. [House on the roof of high-rise buildings, loggia on the porch of the entrance: as Minsk citizens do public their own]. [online] *TUT.BY*. Available from: https://realty.tut.by/news/offtop-realty/572296.html?utm_campaign=recirculation_mail&utm_medium=bottom_news&utm_source=news.tut.by. [Accessed 20 June 2018].

Zukin, S. (2015) *Cities Cultures*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 424 p.